

Н-74

98

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА С С Р

НОВОЕ
известие **О** России
ВРЕМЕНИ
ИВАНА ГРОЗНОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК С С С Р

ЛЕНИНГРАД

Слуцкий
1938

Н-74

ИЗ КНИГ
С.П. Григорова

**НОВОЕ
ИЗВЕСТИЕ О РОССИИ
ВРЕМЕНИ
ИВАНА ГРОЗНОГО**

**„СКАЗАНИЕ“
АЛЬБЕРТА ШЛИХТИНГА**

**ПЕРЕВОД, РЕДАКЦИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ
А. И. МАЛЕИНА**

3-е издание

БИБЛИОТЕКА
№ 1528

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Ноябрь 1934 г.

Непременный секретарь академик *В. Волин*

Редактор издания А. И. Маленин

Технический редактор Г. А. Стратановский — Ученый корректор
А. В. Суслов

Сдано в набор 27 сентября 1934 г. — Подписано к печати 14 ноября 1934 г.

64 стр.

Формат бум. 62 × 94 см. — 4 печ. л. — 37120 тип. зн. — Тираж 10175
Ленгорлит № 25583. — АНИ № 560. — Заказ № 518

Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия, 12

ВВЕДЕНИЕ

Происхождение издаваемого впервые целиком „Сказания“ обстоятельно выяснено проф. Е. Ф. Шмурло в сборнике „Россия и Италия“.¹ В 1570 г. папа Пий V и Венецианская республика вознамерились привлечь московского царя к анти-турецкой лиге. Посредником между папой и республикой, с одной стороны, и Иваном IV, с другой, был избран польский нунций Портико. И вот, когда он собирался уже ехать в Московию для переговоров с царем и для обращения его в католичество, в Польшу явился бежавший из московского плена некий Альберт Шлихтинг и насказал сперва устно, а потом и письменно таких ужасов про жестокость Ивана, что у нунция пропала всякая охота к поездке. Он немедленно послал доклад Шлихтинга, написанный им для Сигизмунда Августа, в Рим, и там это сообщение произвело также сильное впечатление. Пий V написал Портико следующее:² „Мы ознакомились с тем, что вы сообщали нам о московском государе; не хлопчите более и прекратите сборы. Если бы сам король польский стал теперь одобрять вашу поездку в Москву и содействовать ей, даже и в этом случае мы не хотим вступать в общение с такими варварами и дикарями“. Таким образом, всякая мысль о переговорах с Московией была оставлена.

Поразившее католический мир сообщение Шлихтинга сохранилось в Ватиканском архиве среди бумаг Портико.³ Довольно обстоятельный обзор его содержания дал Е. Ф. Шмурло,⁴

---

¹ Т. II, вып. 2, СПб., 1913, стр. 227 сл.

² За отсутствием оригинала цитую по переводу Шмурло, о. с., стр. 236.

³ Из статьи Г. В. Форстена „Архивные занятия в Берлине, Дрездене и Мюнхене“ (Журн. мин. нар. просв., 1886, № 5, стр. 38) видно, что „Сказание“ имелось и на немецком языке (Eine kurtze Erzehlung von des Moskowitzischen Tyrannen Basilij selten und grausamen Tyranischen Regiments — в Мюнхенском архиве).

⁴ О. с., стр. 249—257.

который привел также несколько выдержек в латинском оригинале.

В настоящее время Историко-археографический институт получил из Рима фотографические снимки всего доклада Шлихтинга. На основании их и выполнен настоящий перевод его. Рукопись помещена на 23 листах, помеченных цифрами 10—33. Настоящие размеры ее неизвестны. Величина фотографий, несомненно уменьшенных, — 17×11 .¹ Рукопись не является оригиналом, а представляет четкую современную ее написанию канцелярскую копию, исполненную в начале весьма тщательно, а в конце несколько небрежнее. Что это не оригинал, можно судить по тому, что она помещена не отдельно; затем в ней имеется несколько неисправленных описок; особенно характерен для переписчика пропуск на л. 14 об., где две фразы должны были начинаться с одних и тех же слов *inter alios*, и первая из этих фраз пропущена на своем месте и вставлена на полях.

Сведения об авторе „Сказания“ почерпаются только из него самого. Сообщению предпослано краткое предисловие, которое, повидимому, не может принадлежать самому Шлихтингу. Об этом можно судить по тому, что в дальнейшем повествовании автор всюду обращается к королю и говорит про себя в первом лице, здесь же об авторе идет речь в третьем лице и в таких выражениях, которые вряд ли можно приписать его собственному перу.

Этот Шлихтинг, „померанский уроженец“, „человек военный и честный“, попал в плен к русским при взятии литовской крепости Озерице, что Карамзин² относит к 6 ноября 1564 г. Как уроженец Померании, Шлихтинг знал, кроме немецкого, и „русский“ (славянский) язык, а потому в Москве попал, „в качестве слуги и переводчика“, к „итальянскому врачу“, бывшему на службе у царя. Врача итальянца у Грозного не было, а, вероятно, здесь разумеется бельгиец Арнольд Лензэй.³

---

¹ Пирлинг (*La Russie et le Saint Siège*, I, Paris, 1896, pp. 394—395) называет записку Шлихтинга „prolixo mémoire de soixante-cinq grandes pages“. Если это именно наш текст, то его счет страниц (65) ошибочен, так как текст Шлихтинга начинается только с 10-го листа и кончается на 33-м.

² Т. IX, стр. 45 (издательство „Север“).

³ Ср. Карамзин, т. IX, прим. 300, со ссылкой на В. М. Рихтера, *История медицины в России*, I, стр. 285.

Семь лет служил этому врачу Альберт, а затем, увидев, что и его жизни грозит опасность, с согласия своего господина убежал в Польшу, где и составил „Сказание“.

Кроме того, в издании *Scriptores rerum Polonicarum*¹ имеется краткое сообщение, на немецком языке, под заглавием: *Nova ex Moscovia per nobilem Albertum Schlichting allata de Principis Iwani vita et tyrannide* („Новости из Московии, сообщенные дворянином Альбертом Шлихтинг о жизни и тирании государя Ивана“).

Таким образом, отсюда можно почерпнуть новый факт для биографии Шлихтинга, именно его дворянское происхождение, которое и заставляет его, как увидим ниже, относиться с особой симпатией к боярскому классу, преследуемому Грозным.

Наконец, латинский текст повествования позволяет предполагать, что составитель получил хорошее по тому времени образование и был начитан в классических писателях. Цитаты из трех из них (Виргилия, Ювенала и Теренция) он приводит в своем рассказе, хотя и не называет авторов по имени.

Какие именно семь лет Шлихтинг провел в Московии, определить довольно легко. Если, как сказано выше, он был взят в плен в ноябре 1564 г., то бегство его должно быть отнесено к 1570—1571 гг. Эта вторая дата может быть точнее определена следующим образом. На стр. 48—49 Шлихтинг упоминает воеводу Ивана Петровича (Яковлева), „который ныне отправился с Магнусом для осады Ревеля“. Эта осада Ревеля началась 21 августа 1570 г.² и продолжалась до 16 марта 1571 г. Во второй половине 1571 г. этот Яковлев был забит батогами до смерти, как заподозренный в порче царской невесты Собакиной.³ Во всяком случае Шлихтинг упоминает про страшный голод, охвативший страну во второй половине 1570 г. Соответственно с этим в предисловии к немецкой записке Шлихтинга издатели отнесли ее к осени 1570 г.⁴

Шлихтинг заключает свое латинское сказание торжественным заверением: „То, что я пишу вашему королевскому величеству, я видел сам собственными глазами содеянным в городе Москве. А то, что происходит в других больших и малых го-

¹ Tomus primus. Srasoviae. 1872, pp. 145—147.

² Шмурло, о. с., стр. 251.

³ Русский биографический словарь. Яблоновский—Фомин. СПб., 1913, стр. 89.

⁴ Script. rer. Polonicar., I, стр. 144.

родах, едва могло бы уместиться в (целых) томах“. В немецкой записи тон несколько менее решителен: „То, что я только что описал вашему королевскому величеству..., не выдуманно, богу тому свидетель, что я все это отчасти сам видел и слышал“.

Какие же моменты царствования Грозного привлекали особое внимание Шлихтинга? Перечислю их кратко. Стремление Ивана IV к уничтожению наиболее родовитых бояр. Гибель Дмитрия Овчины и других лиц. Просьба бояр и митрополита о прекращении кровопролития. Введение опричнины. Бесчинства опричников. Убийство князя Ростовского. Гибель князя Ивана Петровича (Челяднина-Федорова). Истребление его имущества. Гибель казначея Хозяина Дубровского. Отношение царя к своему зятю Михаилу Темрюковичу. Гибель думного дьяка Казарина-Дубровского. Казни в Александровском дворце. Характер старшего сына царя. Гибель Федора Умного. Религиозность и мнимо монашеский образ жизни царя. Подробное описание похода на Новгород и более краткое на Псков. Прибытие королевских послов. Гибель князя Афанасия Вяземского. Опустошение Торжка и Твери. Истребление пленных поляков. Гибель шести человек из-за кольчуги Челяднина-Федорова. Казнь начальника над воинскими орудиями. Наказание одного дьяка и его гостей за неуместное любопытство. Казнь князя Горенского и его слуг и опричника Петра Зайцева. Тиранство царя над женщинами. „Тиран толкователь сновидений“. Издевательство над Борисом Титовым. Казнь воеводы Владимира (Морозова). Мучение в 1566 г. трехсот бояр, просивших тирана прекратить казни. Травля людей медведями. Сожжение людей живыми за то, что ели телятину. Утопление одного дьяка по наговорам монаха. Расстрел из лука воеводы и двух бояр, взятых в плен поляками при взятии Изборска. Уничтожение татар, служивших царю. Издевательство над князем Борятинским. Казнь Третьяка, брата Висковатого, и его жены. Сожжение живым Башкина за склонность к лютеранству. Убийство шута Гвоздева. Издевательство князя Прозоровского-Оболенского над братом. Избиение польских пленных 20 июля 1570 г. Убийство князя Петра Серебряного. Тиранство над боярами 25 июля 1570 г. Предчувствие тирана или предзнаменование. Надругательство над знатными женщинами.¹

¹ Ср. Шмурло, о. с., стр. 252—253, у которого есть некоторые пропуски и неточности, как, напр. смещение казначея Хозяина Тютиня и думного дьяка

В общем, видимо, автор придерживался хронологического порядка, но часто отвлекался от него, руководимый скорее всего опасением пропустить что-нибудь более важное. Этим объясняются и неоднократные повторения.

Остановимся на некоторых более крупных фактах повествования Шлихтинга с целью показать их историческую достоверность. Прежде всего, с этой точки зрения, привлекает внимание рассказ об учреждении опричнины. Шлихтинг имеет о цели учреждения ее очень смутное представление, именно он понимает ее как уничтожение царем „своих приближенных, а особенно тех из них, кто отличался знатностью и древностью рода“. Но причины для такого уничтожения заключались, по его мнению, в ненависти к этим лицам за их советы „править, как подобает справедливому государю, не жаждать в такой степени христианской крови“ и т. д. Рассказав затем о гибели князя Овчины, Шлихтинг сообщает, что царь под влиянием новых увещаний бояр и митрополита почувствовал якобы угрызения совести и почти шесть месяцев воздерживался от казней, а сам обдумывал за это время проект устройства опричнины. О знаменитом отъезде в Александровскую слободу Шлихтинг не упоминает вовсе, а представляет дело так: царь призвал к себе знатнейших вельмож и заявил им о своем пресыщении властью и желании жить в отдалении и уединении, вместо же себя, в качестве правителей, рекомендовал своих сыновей, прибавляя, что во всяком трудном деле готов помочь им своим советом, так как будет жить поблизости. И действительно, он выстраивает себе в Москве особый дворец. „По соседству с этим дворцом он соединил особый лагерь, начал собирать опричников, то есть убийц, и присоединил их к себе самыми тесными узами повиновения“. Про слободу же Шлихтинг упоминает впервые значительно позже, говоря, что когда народ начинает волноваться от постоянных казней, то тиран покидает Москву и обычно часто уезжает в Александровский дворец.¹

К рассказу Шлихтинга отчасти примыкают Таубе и Крузе, которые также говорят об обращении царя перед отъездом

Казарина-Дубровского или рассказ о „гибели“ двух братьев Оболенского-Прозоровского, тогда как на самом деле не погиб ни один из них.

¹ Почему он называет ее так почетно, объясняет Гваньини (стр. 47): „Когда великий князь обычно приезжает на отдых в свой Александровский дворец, некогда, раньше, чем он был прекрасно выстроен, называвшийся слободой“.

в слободу, но не к одним боярам, а ко всем чинам, с заявлением о том, что они не хотят терпеть ни его, ни его наследников, а потому он и решил передать созванным свое правление. На другой день после этого последовал отъезд в слободу. Штаден рассказывает обо всем этом очень кратко: „Великий князь из-за мятежа выехал из Москвы в Александрову слободу“. Из всего этого можно, кажется, сделать тот вывод, что безмолвность и таинственность, которыми облекает наша летопись отъезд царя в слободу, вряд ли соответствуют действительности. Летописи, вытекавшие из клерикальных и боярских кругов, в то время явно оппозиционных царю, всячески старались затушевать эту оппозицию и потому стремились представить дело так, как будто это было произволом или капризом царя. Может быть, отъезд не был обставлен даже такой таинственностью, как это изображается обычно.

Сказание Шлихтинга занимает одно из центральных мест по разъяснению грандиозного заговора против Ивана IV, возникшего в 1567 г.¹ Из русских источников про вторую часть этого заговора упоминается только в Переписной Книге Посольского Приказа 1626 г.: „Столп, а в нем статейной список из сыскного из изменного дела 78 (1570) году на Ноугородцкого Архиепископа на Пимена и на новгородцких Диаков, и на Подьячих, и на гостей, и на Владычных Приказных, и на Детей Боярских, и на Подьячих, как они ссылалися к Москве с Бояры, с Олексеем Басмановым и с сыном его Федором, и с Казначеем с Микитою Фуниковым, и с Печатником с Ив. с Михайловым Висковатого и с Семеном Васильевича сыном Яковля, да с Дьяком с Васильем Степановым, да с Ондреем Васильевым, да со князем Офонасием Вяземским, о сдаче Вел. Новгорода и Пскова, что Архиепископ Пимен хотел с ними Новгород и Псков отдать Литов. Королю“ и т. д.² Подлинник этого дела бояре постарались уничтожить. Поэтому сведения о заговоре сохранились только у иностранных писателей, а именно

---

¹ Сведения об этом заговоре разработаны ясно и убедительно в ненапечатанной, к сожалению, работе Рейжевского, хранящейся в Историко-археологическом институте.

² Карамзин, т. IX, прим. 299. Соловьеву (II, ст. 176, прим. 1) этот источник был также известен, но в тексте он выражается очень осторожно: „Это сыскное изменное дело до нас не дошло, а потому историк не имеет права произнести свое суждение о событии“.

у польского хрониста Мартина Бельского, лифляндских историков Кельха и Геннинга, недавно изданного Штадена¹ и, наконец, у нашего Шлихтинга. Из новых историков существование этого заговора предполагали с большей или меньшей категоричностью Щербатов и Арцыбашев.²

Суть дела заключается в следующем. Осенью 1567 г. царь задумал большой поход в глубь Ливонии, 21 сентября он выехал на литовскую границу, а 12 ноября, после совещания со своим двоюродным братом князем Владимиром Андреевичем и боярами, решил немедленно вернуться обратно. Причина этого крылась в том, что польский король Сигизмунд-Август через некоего Козлова стакнулся с московскими боярами, и те обещали выдать ему царя. Когда это намерение было раскрыто и царь уехал домой, то и Сигизмунду не оставалось ничего иного, как распустить войско и вернуться в Гродно. Шлихтинг с некоторой неточностью представляет дело так (стр. 28): „И если бы польский король не вернулся из Радошковиц и не прекратил войны, то с жизнью и властью тирана все было бы покончено, потому что все его подданные были в сильной степени преданы польскому королю“. Это показание его особенно красочно потому, что наряду с этим прямым признанием вины бояр (их, конечно, прежде всего следует разуметь под „всеми его подданными“), Шлихтинг, как равный им по происхождению, при описании каждой казни изменников старательно подчеркивает их невиновность.

Роль князя Владимира Андреевича в этой истории представляется так. Повидимому, он сам принимал участие в заговоре, но увидел, что успеха на его осуществление мало. Тогда он, вместе с князьями Бельским и Мстиславским, отправился к Ивану Петровичу Челяднину-Федорову, стоявшему во главе всего предприятия, взял у него список участников, якобы под тем предлогом, что к заговору хотят примкнуть новые лица, и, заметя таким образом свои следы, открыл все дело царю. Но впоследствии, когда его участие выяснилось, он был умерщвлен³ по приказу царя. Началось следствие, которое, конечно, производилось с утонченной жестокостью того времени

¹ Все эти свидетельства приведены в указанной работе Рейжевского.

² Цитаты приведены в указанной работе Рейжевского.

³ Подробности гибели князя Владимира известны только из иностранных источников и противоречат друг другу. Ср. Соловьев, II, стр. 172—173, прим. 3.

зятя] У Гваньини (стр. 33) он назван тестем (socer). С нашей точки зрения было бы правильное шурин (брат жены царя), но по-латыни, насколько мне известно, такого родственного термина не было. Отчество этого шурина у Гваньини передано точнее: Temuscovicz.

Стр. 24.

Примерно в том же году] 1568. Здесь изложение Гваньини гораздо более точно, чем у Шлихтинга. У этого последнего даты нет нигде, тогда как у Гваньини она приведена пред рассказом об убийстве Челяднина-Федорова, непосредственно за которым следует изложение обстоятельств гибели Казарина-Дубровского.

Стр. 25.

перевозка пушек] Она представляла огромные трудности. Ульфельд, посетивший Россию в 1575 г. (Якова Ульфельда Московитское посольство или Русский дорожник, стр. 24), рассказывает, что видел, как одно орудие „надлежащей величины ташили 800 человек“.

„Гойда, гойда“] Собственно „гайда“ — тюркское слово для выражения поощрения. Буквально „пойдем“. Во всем „Сказании“ заметно, при передаче русских слов, неоднократное предпочтение звука *o* пред *a*. Так, повсюду встречаем Ofanasci = Офанасий, Козарин вместо Казарин и т. д.

Стр. 28.

шестьсот всадников] У Гваньини семьсот.

Стр. 29.

2770 из более знатных и богатых] Гваньини дает ту же цифру. Вообще же число жертв новгородского погрома передается весьма различно. Таубе и Крузе определяют их в 27 000. Псковская летопись — в 60 000, Горсей даже в 700 000 (Ср. Русск. историч. журнал, кн. 8, стр. 20). Духовник польского посольства Джерио дает 18 000 (Historica Russiae monumenta, т. I, стр. 214).

сто семьдесят монастырей] У Гваньини 175.

Стр. 30.

кобылу] У Гваньини прибавлено „жеребую“.
двенадцать тысяч] У Гваньини тридцать тысяч.

Стр. 32—33.

Афанасий Вяземский] У Гваньини (стр. 36) более правильно, в соответствии со всем повествованием о Новгородском погроме, сказано, что царь доверял маршрут одному только Вяземскому, тогда как у Шлихтинга в этой роли является еще некий Василий Хузин (?). Также и в рассказе о роде смерти Вяземского имеется разногласие: по Гваньини он умер от побоев (стр. 37); Шлихтинг, не зная точно, выразился осторожнее: „несчастный до сих пор подвергается непрерывному избиению“ (стр. 33); третья версия, что Вяземский умер в посаде Городецком (нынешнем городе Бежецке) в оковах, принадлежит Штадену (стр. 96). Следует заметить, кстати, что в издании Штадена текст несколько противоречит указателю, где сказано (стр. 156), что Вяземский „был казнен по связи с новгородским делом“.

Стр. 33.

Тиран приказал] Шмурло (Россия и Италия, о. с., стр. 254) относит это приказание к доктору, но контекст говорит, кажется, против этого.

Стр. 34.

вождя этого тиранства] Гваньини видит в нем Малюту Скуратова (стр. 36).

Ярославль..., Лазинк (?)] У Гваньини (стр. 39) названы только четыре города: Переяславль, Ростов, Углич, Кострома.

Стр. 35.

погибли 6 человек] Гваньини (стр. 37) в числе их считает и двух стрельцов-доносчиков.

Димитрий Васильевич] Гваньини (стр. 38) более точно называет его Василий Дмитриевич; дальше и сам Шлихтинг два раза называет его Василием. Одерборн („Жизнь Иоанна Васильевича, великого князя Московского“, кн. II, стр. 215) упоминает это лицо в числе полководцев, отправленных для взятия Казани.

Стр. 36.

дьяк тирана] Гваньини прибавляет (стр. 37): „соединенный с ним кровным родством“. Одерборн (кн. II, стр. 233) называет его Telatovius.

Стр. 37.

своих секретарей] Гваньини (стр. 32) называет его Мясо-едовским.

сын некоего знатного человека] Одерборн (см. примеч. к стр. 35) называет его (стр. 234) Casarinus Vlodimirus.

Стр. 39.

третьих бьет палками] У Гваньини (стр. 33): „пятьдесят же более выдающихся мужей приказал всенародно бить на площади палками и розгами“.

три серебряника] У Гваньини (стр. 38): „сто или двести серебряных денег московитской монеты“.

прихлебатели] В оригинале gnathones. Gnatho — имя паразита в комедии Теренция „Евнух“.

крепостные] В оригинале villani. Гваньини относит этот случай к 1569 г., когда царь сам был в Вологде.

Стр. 40.

воевода] Одерборн (кн. III, стр. 262) называет его Polubensius.

Стр. 41.

Третьяка] У Гваньини (стр. 40) этот эпизод представлен в совершенно искаженной форме. Именно, Третьяк оклеветал пред царем родного брата, которого тот и велел казнить. Сказанное Шлихтингом про жену Третьяка отнесено у Гваньини к жене упомянутого брата.

Стр. 42.

Башкин] Его неверное имя (Федор вместо Матвей), может быть, дано ему потому, что Шлихтинг спутал его с его последователем Феодосием Косым. В русских источниках про сожжение Башкина не упоминается. Вероятность этой кары может быть подтверждена свидетельством посла Максимилиана II, Кобенцеля (1577 г.), что Московиты ненавидят лютеран больше, чем турок (стр. 14).

капусту] У Шлихтинга просто olus („зелень“), у Гваньини (стр. 31) caulis.

Стр. 43.

два брата] У Гваньини (стр. 40) этот факт отнесен к 1570 году.

Прозоровским] У Гваньини (там же) Provozowski, что он объясняет как: „веревочник“, „висельник“, „человек, достойный петли“.

Стр. 44.

в день св. пророка Илии] 20 июля (ст. ст.) 1570 г. (ср. Гваньини, стр. 41).

одному знатному мужу] Гваньини (стр. 42) здесь называет его „Мясоедом“. Ср. примеч. к стр. 37.

Стр. 45.

Ракузу] У Гваньини спутанно (стр. 42): „из которых один был русский, зрелого возраста, полочанин, Яков Мольский“. Но так же назван и второй пленный.

Одна женщина] У Гваньини (там же) прибавлено: „жена упомянутого Мольского“.

В праздник св. апостола Иакова] 25 июля (ст. ст.) 1570 г.

Стр. 46.

184] У Гваньини (стр. 43) „сто восемьдесят“.

Стр. 47.

„Пусть каждый особенно верный казнит вероломного“] В оригинале: „Perfidus quisque perfidum occidat“. Вероятно, игра слов с perfidus, хотя оно, повидимому, никогда не имело в классической латыни значения „особенно верный“. В этом смысле употреблялось perfidelis.

Стр. 48.

а другой водой кипящей] По Гваньини (стр. 45) это был Малюта Скуратов.

Темкин] У Гваньини (стр. 45) сказано про него следующее: „Этот Темкин был изгнан из Литвы за убийство воеводы Плоцкого и убежал в Московию, как в неприкосновенное убежище, и занимал первое и главное место среди придворных государя“.

Иван Петрович] У Гваньини (там же) он назван Palatinus Chirkoviensis.

Стр. 49.

жен и дочерей] Гваньини (там же) прибавляет подробность о мучении жены и дочери Фуникова, а именно: жену Фуникова,

которая была сестрой князя Афанасия Вяземского, тиран „велит схватить и натянуть самую жесткую веревку, которая была натянута с одной стороны стены до другой, и посадить ее голым задом на эту веревку, которая срывала очень много мяса и кожи, и женщина протаскивалась с одной стороны до другой с величайшим мучением, чтобы она открыла сокровища мужа. Дочь ее, пятнадцати лет отроду, видя жестокое мучение такого рода, не могла удержаться, чтобы не выразить воплем свою скорбь. Князь велит вытащить ее наружу, но старший сын князя, движимый сожалением, подбегает и, держа ее за платье, так говорит отцу: „Дорогой отец, подари мне эту девушку, я ее запру в тюрьму“. На это отец: „Получай, но потом можешь вернуть ее матери“. Подвергнув эту благородную женщину таким сильным мукам и такому великому бесчестию, он отослал ее и ее дочь в монастырь, где первая из-за тяжелых ран и мук, которые она претерпела, пока ее таскали по веревке, прожила недолго“.

приводится во дворец] Перевод приблизительный. В оригинале: „Reliqua pars captivorum quoquo se verterit cum aula ducitur“.

Стр. 50.

один обвиненный] Гваньини (стр. 41) прибавляет, что он был из знатных новгородцев.

Стр. 51.

поднять платье] Ульфельд (см. прим. к стр. 25) рассказывает из времени своего пребывания в Новгороде следующее (стр. 9): „У нас бывали каждый день музыканты, которые представляли по своему обычаю комедии и очень часто среди игры обнажали задние части и показывали всем срамные члены тела, падая на колени и поднимая вверх ягодицы, отбросив всякую стыдливость и скромность. То же самое сделали раз и женщины. Именно, когда мы однажды стояли пред нашим домом на равнине, с очень многими из наших слуг, мы заметили по соседству женщин, которые подняли платья вверх, показали нам через окно срамные части, как передние, так и задние, протягивали голые ноги из окна, то правую, то левую, то ягодицы, то другое, не страшась присутствия приставов“.

НОВОСТИ ИЗ МОСКОВИИ, СООБЩЕННЫЕ ДВОРЯНИ-
НОМ АЛЬБЕРТОМ ШЛИХТИНГ О ЖИЗНИ И ТИРАНИИ
ГОСУДАРЯ ИВАНА

Московский князь сам со своим двором удалился в Коломну, лежащую в 20 милях от города Москвы на реке Оке, под предлогом похода против крымских татар, причинивших минувшей весной Московии огромный вред; на самом же деле он бежал от чумы, которая жестоко опустошает его страну. Он всегда идет степями и лесами (welden), избегая большой дороги, и не заходит в города, замки или усадьбы; при нем толпа (армия, hauffen) в 20 тысяч человек, но они неважны и плохо вооружены; ими командуют князья Бельский и Мстиславский.

Послами он отправляет к вашему королевскому величеству князя Григория Мещерского, князя Ивана Камбурова (Камбарова), крещеного татарина из казанского царства, князя Григория Путятина и Олифа (Осипа) Непея, дьяка или писца. Они уже снаряжаются в путь, но так как во многих московских городах мор, то они еще не успели собраться. Мрут сильно в 28 городах, в особенности же в Москве, где ежедневно гибнет 600 человек, а то и тысяча.

Нынешние верховные правители в Москве следующие: князь Василий Масальский, казначей, и его товарищ Борис Сукин. Московский князь на все должности теперь назначает по два человека; одному он не доверяет.

О герцоге Магнусе. Московский князь сделал его королем лифляндским и под страхом большого наказания велел всем его величать и считать таковым. Так был общий говор, будто Московский князь передал герцогу Магнусу все замки в Лифляндии, но до сих пор тот не получил от него ничего особенного.

А также Московский князь обещал герцогу Магнусу в невесты дочь своего двоюродного брата князя Владимира, которого раньше умертвил вместе с его женой и матерью, но под условием, что он, Магнус, получит Ревель. А герцог Магнус не только хвастался перед московским князем, но и уверял, что вступил в тайное соглашение с некоторыми жителями Ревеля, которые обещали передать ему город.

Когда герцог Магнус был у своей невесты Владимировны, она ему подарила 3000 рублей хорошими деньгами, а также несколько собольих шуб и куньих (*markurkowe*) шапок и много полотна. Невесте же он подарил всего одну большую золотую цепь и 500 венгерских гульденов. Вскоре после этого он уехал из Москвы со своими немцами, которых у него было 200 конных. В Пскове его ждал князь Юрий Токмаков с 3000 человек. Потом Московский князь прислал к нему войска под начальством Ивана Петровича Хиронова, так что он, Магнус, имел всего 7000 человек. С этим войском он подступил к Ревелю, чтобы его занять. К Московскому князю он отправил одного за другим двух скорых посланцев или гонцов, но тот не пожелал принять их, он боялся...¹ в действительности же потому, что разгневался, когда понял, что на деле будет не так, как хвастался герцог Магнус, говоря о своем тайном соглашении с рижанами (ревельцами?).

В Москве Московский князь обещал герцогу Магнусу, что даст ему вдоволь войска и денег, лишь бы тот занял в Лифляндии города и замки, имеющие значение; он де будет оказывать помощь до последнего воина. Московиты считают, что раз герцог Магнус все, что взял, занимает при помощи московитов, то он и не будет по своему распоряжаться (укрепленными) местами и замками (которыми он овладел).

О трехлетнем мире с вашим королевским величеством. Бояре, или дворяне, и их сыновья недовольны, что великий князь заключил мир с в. к. в.; они боятся, что пока он живет в мире с в. к. в., он захочет их истребить, но надеются, что в. к. в. не примет этого мира или нарушите его, потому что с послами в. к. в. обращались так тиранически.

Нынешние же послы, которых Московский князь посылает к в. к. в., люди не очень ему угодные, и он отпускает их, словно

¹ В оригинале далее следуют непонятные слова: *daz sie nit aus dem Sterben kwemen* (чтобы они не пришли из области смерти?).

ему безразлично, если они погибнут; все они едут с великим опасением, что с ними обойдутся так же, как их государь обошелся в Москве с послами в. к. в. Московский князь запретил также, под страхом смертной казни, своим купцам ехать с послами со своими товарами в Литву или Польшу, но купцам в. к. в. разрешается выезжать с различными товарами.

О пленных, которые еще имеются там. Остальные пленные, около 500, которых московский князь еще не умертвил или велел умертвить и которые были в 2 замках, по его приказу уведены в Смоленск, чтобы они там работали, пока их не выкупят или обменяют. Но следует опасаться, — и я придерживаюсь того мнения, — что если их не освободят теперь, пока великие послы находятся у в. к. в., они все должны погибнуть (подобно) тем, которые были взяты в плен в Изборске; все они, количеством в 140 человек, в июле месяце были перебиты в течение одного часа.

О после нынешнего короля шведского. Этот посол терпит в Москве великую нужду. Ему на 57 человек дают всего по три гульдена на день, так что их перемерло уже с голоду изрядное количество; пить дают им только воду, изредка квасец, мед или пиво никогда. Когда послы в. к. в. оставили Москву, туда приехал гонец или скорый посланец короля шведского с 4 человеками. За ним послали несколько опричников (коих содержит Московский князь около восьмисот) с дьяком или писцом. Они заставили его спрятать свою шапку за пояс, поднять одной рукой письмо своего государя, короля шведского, а другой держаться за кожу седла дьяка и таким образом рысью добежать до двора рядом с конем, что у него было мочи. Затем его втокнули в темницу к шведскому (?)¹ послу. Он ловкий красавец, высокого роста, с полуседой бородой.

Как настроены по отношению к нему его подданные. Кроме опричников, никто не расположен к тирану. Если бы его подданные только знали, у кого они найдут безопасность, они наверное бы отпали от него. Когда, три года тому назад, в. к. в. были в походе, то много знатных лиц, приблизительно 30 человек, с князем Иваном Петровичем (Шуйским) во главе, вместе со своими слугами и подвластными, письменно обязались, что передали бы великого князя вместе с его опрични-

---

¹ Знак вопроса имеется в оригинале.

ками в руки в. к. в., если бы только в. к. в. двинулись на страну. Но лишь только в Москве узнали, что в. к. в. только отступали, то многие пали духом; один остерегался другого, и все боялись, что кто-нибудь их предаст. Так и случилось. Три князя, а именно: князь Владимир, двоюродный брат великого князя, на дочери которого должен был жениться герцог Магнус, князь Бельский и князь Мстиславский отправились к Ивану Петровичу и взяли у него список заговорщиков (der vorb tnus) под тем предлогом, якобы имелись еще другие, которые хотят записаться. Как только они получили этот список, они послали его великому князю с наказом, что если он не хочет быть предан и попасться в руки своих врагов, то должен немедленно вернуться в город Москву. Туда он прибыл из лагеря, путешествуя днем и ночью. Там ему показали перечень всех записавшихся. По этому перечню он по сей день казнит всех записавшихся или изъявивших свое согласие, равно как лиц из псковской и новгородской областей. Ивана Петровича, самого знатного из заговорщиков, Московский князь сам ножом, как я в. к. в. в записке, где буду писать об его смерти...¹

Об его тирании и как его увещевают. Его канцлер Иван Михайлович Висковатый увещевал его, чтобы он подумал о боге и не проливал столько невинной крови, в особенности же не истреблял своего боярства, и просил его подумать о том, с кем же он будет впредь не то, что воевать, но и жить, если он казнил столько храбрых людей. А великий князь на это ответил: „Я вас еще не истребил, а едва только начал, но я постараюсь всех вас искоренить, чтобы и памяти вашей не осталось. Надеюсь, что смогу это сделать, а если дело дойдет до крайности и бог меня накажет и я буду принужден упасть ниц пред моим врагом, то я скорее уступил бы ему в чем-либо великом, лишь не стать посмешищем для вас, моих холопов (rawern)“.

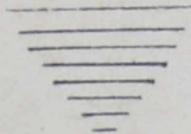
То, что я только что описал в. к. в. и что я еще опишу потом, как великий князь за семь лет, которые я провел в Москве, казнил своих бояр и горожан и еще совсем недавно в июле своего канцлера и казначея, не выдуманно, бог тому свидетель, что я все это отчасти сам видел и слышал.

---

¹ Пропуски в оригинале.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	СТР.
Введение	3
Русский перевод	15
Указатель пособий	52
Примечания	53
Приложение	59

Цена 1 руб. 25 коп.

ПРИЕМ ЗАКАЗОВ И ПОДПИСКИ

на все издания Академии Наук СССР производится Сектором распространения Издательства Академии Наук. Ленинград 53, В. О., Менделеевская линия, 1, тел. 5-92-62.

Представителем по распространению в Москве и Московской области является Книготорговое объединение Государственных издательств (КОГИЗ).